

МАМА-ДОКТОР

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Мама-доктор

<https://litres.ru/74329382>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — педиатр, которая ради хорошей зарплаты устроилась в элитную клинику. Он — Василий Рогожин, несносный олигарх, привыкший одним звонком решать любые проблемы. Кроме одной: его маленькому сыну срочно нужна не только забота врача, но и немного настоящего тепла.

Я собиралась поставить диагноз, назначить лечение и держаться от высокомерного папочки подальше. Но этот невозможный мужчина почему-то решил, что именно я должна стать личным доктором его семьи. А его озорной сын уже придумал план получше — сделать меня своей мамой.

Теперь мой главный пациент — любовь. И, кажется, она не лечится.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ульяна Соболева

Мама-доктор

Глава 1

Я, Елизавета Арсеньева, стояла перед зеркалом в служебной комнате клиники «МедЛайф» и пыталась придать своему отражению вид успешного педиатра, а не измученной безработицей девицы, которая три месяца ела одну гречку и считала каждую копейку. Белый халат, купленный в кредит, сидел как влитой, но глаза выдавали меня с потрохами — в них горел огонь такого отчаяния, что впору было вызывать пожарную.

— Елизавета Витальевна, — раздался за спиной голос главврача Петра Семёновича Кукушкина, мужчины, который выглядел так, будто проглотил не ложку, а целый сервиз столового серебра. — Надеюсь, вы понимаете уровень нашего заведения?

Я обернулась, изобразив на лице улыбку профессионала, хотя внутри меня металась мысль: «Понимаю, дядечка, тут один приём стоит как моя месячная зарплата в районной поликлинике». Но вслух сказала только:

— Разумеется, Пётр Семёнович. Я готова работать на самом высоком уровне.

Кукушкин поправил очки и окинул меня взглядом инспектора, оценивающего качество колбасы. Видимо, я прошла проверку на «съедобность», потому что он кивнул:

— Отлично. У нас особый контингент пациентов. Банкиры, бизнесмены, депутаты... Люди, которые привыкли, что их желания исполняются быстрее, чем они успевают их высказать. Здесь не место для экспериментов или излишней... творческой инициативы.

«А излишней человечности тоже, видимо, не место?» — подумала я, но кивнула понимающе.

— Запомните главное правило, — Кукушкин подошёл ближе и понизил голос до почти театрального шёпота. — Клиент всегда прав. Даже если он утверждает, что у его ребёнка растут рога, вы киваете и назначаете анализы на «рогатость». Один промах с влиятельным пациентом — и вы можете искать работу в ветеринарной клинике. Там тоже лечат, но платят в разы меньше.

Я глотнула. Моё горло вдруг стало сухим, как в Сахаре во время песчаной бури.

— А что делать, если диагноз очевиден, а родители требуют дополнительных обследований?

— Назначать дополнительные обследования, — ответил Кукушкин так, будто объяснял двухлетнему ребёнку, почему нельзя совать пальцы в розетку. — Чем больше процедур — тем больше прибыль. Чем больше прибыль — тем стабильнее ваша зарплата. Элементарная математика, доктор Арсе-

ньева.

Я почувствовала, как внутри меня что-то скрипнуло. Наверное, совесть пыталась подать голос, но я быстро её заткнула. Совесть — роскошь, которую я не могла себе позволить. У мамы дома закончились лекарства от давления, за квартиру не плачено уже два месяца, а в холодильнике живёт одинокий огурец, который смотрит на меня с немым укором.

— Понятно, — промямлила я.

— Прекрасно! — Кукушкин расплылся в улыбке, которая больше походила на оскал акулы, учуявшей кровь. — Тогда приступайте к работе. Кстати, — он уже направлялся к двери, но обернулся, — ваш первый пациент — особый случай. Постарайтесь не облажаться с самого начала.

И ушёл, оставив меня наедине с моими нервами, которые пританцовывали что-то среднее между самбой и танцем на углях.

Я вышла в коридор, который сверкал белизной операционной и пах деньгами. Точнее, дорогим освежителем воздуха с ароматом «успех и процветание». Стены были украшены картинами каких-то импрессионистов — настоящими или качественными подделками, я не разбиралась, но выглядело внушительно.

— Ты новенькая? — спросила медсестра, появившаяся словно из воздуха. Она была лет сорока, с идеальной укладкой и макияжем, который мог выдержать ядерный взрыв.

— Да, Елизавета Арсеньева, педиатр.

— Светлана, — представилась она и критически осмотрела меня с ног до головы. — М-да... Первый день?

— Угу.

— Ну, держись, дорогая. Тут не районная поликлиника, где можно тискать детишек и мурлыкать им песенки. Здесь родители готовы разнести всё к чёртовой матери, если их драгоценное чадо чихнёт не в ту сторону.

— Настолько всё серьёзно?

Светлана хмыкнула:

— Помнишь доктора Петрову? Она работала здесь до тебя.

— Нет...

— Правильно, не помнишь. Потому что она посмела сказать одной мамочке-олигархине, что её сынуля просто перел конфет, а не подхватил редкую тропическую лихорадку. Через неделю Петрову не взяли ни в одну приличную клинику города. Говорят, она теперь работает фельдшером в деревне под Тулой.

У меня по спине пробежал холодок, который мог бы заморозить небольшое озеро.

— А кто мой первый пациент?

Светлана посмотрела в журнал записи и присвистнула. Не к добру это присвистывание, подумала я.

— Рогожин. Сын Василия Рогожина.

— А кто такой Василий Рогожин?

Светлана уставилась на меня так, будто я спросила, кто

такой Пушкин.

— Ты серьёзно не знаешь? Олигарх. Нефть, газ, заводы, пароходы. Половину города скупил. Говорят, он может одним звонком закрыть любое предприятие или, наоборот, открыть. У него связи до самого... — она многозначительно посмотрела вверх.

— До потолка? — растерянно спросила я.

— До Кремля, дорогая моя. И характер у него... как бы это помягче сказать... взрывной. Жёну свою в гроб свёл — покойница не выдержала его нрава.

— Что-то я не очень обрадовалась своему первому рабочему дню, — честно призналась я.

— А, ещё забыла добавить, — Светлана уже уходила, но обернулась, — он едет сюда в бешенстве. Сказал, что все врачи — идиоты, а его сына пытаются отравить. Так что... удачи тебе, Елизавета. Было приятно познакомиться.

И она исчезла, оставив меня в состоянии человека, которому сообщили, что через пять минут на него упадёт метеорит.

Я вернулась в кабинет и попыталась настроиться на рабочий лад. Проверила всё оборудование, разложила инструменты, включила компьютер. Всё работало, всё блестело, всё выглядело солидно и дорого. На стене висели мои дипломы — единственное, что напоминало о том, что я действительно врач, а не самозванка в белом халате.

Телефон зазвонил резко и злобно.

— Доктор Арсеньева слушает.

— Елизавета Витальевна, — голос администратора дрожал от волнения, — к вам едет пациент. Рогожин-младший. Они будут через десять минут. Отец сказал, что если его сын не получит лучшего лечения в городе, он... ну... в общем, сказал много нехороших слов про нашу клинику и лично про всех, кто здесь работает.

— Понятно. А что с ребёнком?

— Температура, слабость. Отец уверен, что это что-то страшное и заразное.

Я глубоко вздохнула. Скорее всего, обычная ОРВИ, но говорить это папаше-олигарху было равносильно подписанию себе приговора.

Время тянулось со скоростью больной черепахи. Я перебирала в уме все возможные детские болезни, прокручивала варианты разговора с грозным родителем, пыталась настроиться на нужную волну покорности и угодничества.

А потом дверь кабинета распахнулась с такой силой, что чуть не сорвалась с петель, и в проёме появился он. Василий Рогожин собственной персоной.

Это был мужчина лет тридцати пяти, высокий, широкоплечий, в костюме, который стоил дороже моей годовой зарплаты. Волосы тёмные, чуть растрёпанные, глаза серые, как грозовое небо. Красивый, чёрт побери, но красивый так, как красив ураган или извержение вулкана — завораживающе и смертельно опасно.

На руках у него сидел мальчик лет пяти, бледный, с большими карими глазами и взъерошенными тёмными волосами. Ребёнок выглядел болезненно, но не критично — я сразу это поняла по его дыханию и цвету кожи.

— Вы доктор Арсеньева? — голос Рогожина прогремел, как гром среди ясного неба.

— Да, это я. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Времени на сидение нет! — рявкнул он. — Мой сын болен уже третий день! Ваши коллеги из других клиник — полные дилетанты! Один сказал, что это простуда, другой предположил грипп. Простуда! Можете себе представить? У моего сына температура 37,5, он отказывается от еды, и эти шарлатаны говорят о простуде!

Я сдержала вздох. 37,5 сама по себе не выглядела опасно, но после трёх дней слабости и отказа от еды ребёнка следовало внимательно осмотреть. Но смеяться при Рогожине было равносильно самоубийству.

— Понимаю ваше беспокойство. Давайте осмотрим маленького пациента. Как тебя зовут, малыш?

Мальчик посмотрел на меня большими глазами и тихо сказал:

— Тимка. А вы кто? Вач тоже будете мне гадости делать?

— Нет, Тимочка, я добрый доктор. Просто посмотрю горлышко и послушаю, как дышат твои лёгкие.

— А больно не будет?

— Конечно, не будет. Я же не злая тётка из сказки.

Рогожин нетерпеливо переступал с ноги на ногу:

— Хватит болтовни! Лечите!

— Папа, не кличь, — попросил Тимка. — У меня голова болит от твоего кличания.

Я начала осмотр. Горло слегка красноватое, лимфоузлы не увеличены, дыхание чистое, пульс нормальный. Обычная лёгкая вирусная инфекция, которая пройдёт сама за неделю.

— Ну? — Рогожин смотрел на меня, как коршун на мышь.

— Что с моим сыном?

— У Тимофея лёгкая вирусная инфекция. Ничего серьёзного. Обильное питьё, покой, при необходимости жаропонижающее...

— ЧТО?! — взорвался Рогожин. — Вирусная инфекция?! Да вы что, с ума сошли?! У него может быть менингит! Или пневмония! А вы говорите о каком-то вирусе!

— Послушайте, — я попыталась сохранить спокойствие, — я врач с медицинским образованием и опытом работы...

— Какой опыт?! — фыркнул он. — Вы выглядите, как школьница! Мне нужен опытный специалист, а не недоучка!

Вот тут у меня сдали нервы. Можно было терпеть хамство, можно было сносить оскорбления, но когда затрагивали мою профессиональную компетентность — всё, приехали.

— Знаете что, господин Рогожин, — сказала я, поднимаясь во весь рост, — если вы не доверяете моему диагнозу, обратитесь к другому врачу. А лучше сразу к десяти — может, кто-то из них скажет вам то, что вы хотите услышать.

Рогожин побагровел:

— Да как вы смеете...

— МАМА! — вдруг громко закричал Тимка, протягивая ко мне ручки. — Мама, не улетай!

В кабинете повисла мёртвая тишина. Рогожин замер, как статуя, я остолбенела, а Тимка смотрел на меня своими огромными глазами и повторял:

— Мама, побудь со мной. Мне ствашно без мамы.

— Мама умерла, Тимка, — хрипло сказал Рогожин. — Помнишь?

— Но эта тётя похожа на маму! — упрямо заявил мальчик. — У неё такие же доблые глаза!

Я посмотрела на отца и сына, и сердце моё ёкнуло. В глазах Рогожина читалась такая боль, что хотелось обнять его и сказать, что всё будет хорошо. А Тимка... этот малыш явно страдал от отсутствия материнской ласки.

— Тимочка, — осторожно сказала я, — я не твоя мама, но могу быть твоим другом-доктором. Хочешь?

Мальчик кивнул и вдруг добавил:

— А можно, я буду вас называть мама-доктол?

Рогожин очнулся от ступора и резко забрал сына на руки:

— Нет! Никого нельзя называть мамой! Поняли?!

— Но папа, — захныкал Тимка, — мне нлавится эта тётя...

— Мы уходим, — отрезал Рогожин и направился к двери.

— Подождите! — окликнула я его. — А лечение?

Он обернулся, и в его взгляде я прочитала что-то стран-

ное. Не злость, не раздражение, а... растерянность?

— Мы... мы ещё подумаем, — пробормотал он и вышел.

Я осталась одна в кабинете, чувствуя себя так, будто меня переехал грузовик. Что это было? Почему мальчик назвал меня мамой? И почему у меня возникло ощущение, что я только что стала участницей какой-то драмы, которая намного сложнее обычного приёма у врача?

Телефон зазвонил через пять минут.

— Елизавета Витальевна, — голос администратора звучал взволнованно, — к вам звонил господин Рогожин. Сказал, что завтра утром приедет снова. И ещё он попросил узнать... ну, это прозвучит странно... но он спросил, замужем ли вы и есть ли у вас дети.

Я уставилась на трубку, не веря своим ушам.

— А ещё, — продолжал администратор, — он сказал, что хочет обсудить с вами одно очень важное предложение.

Я положила трубку и откинулась в кресле. Интересно, какое ещё предложение может поступить от разъярённого олигарха, чей сын принял меня за свою покойную маму?

И почему у меня такое ощущение, что завтрашний день изменит мою жизнь раз и навсегда?

Глава 2

На следующее утро я проснулась с ощущением, что меня переехал асфальтовый каток, потом задал задний ход и проехался ещё разок для закрепления эффекта. Всю ночь снились кошмары: то олигарх Рогожин гонялся за мной с чековой книжкой и кричал что-то про няню, то его сын-малыш называл меня мамой и просил не бросать его, то главврач Кукушкин превращался в настоящую кукушку и кукарекал прямо мне в ухо: «Ку-ку! Облажалась! Ку-ку! На улицу!»

Я добралась до клиники в состоянии зомби, который случайно выпил слишком много кофе. Нервы дрожали, как струны на расстроенной гитаре, а руки тряслись так, что я чуть не покрасила губы тенями для век.

— Доброе утро, наша звёздочка! — пропела Светлана, появляясь в коридоре как добрая фея. Если добрые феи носят форму цвета больничной стены и улыбаются, как акулы перед обедом. — Как спалось? Снился вчерашний богатенький папочка?

— Угу, — промычала я, — только он был не очень богатенький в моих снах. Больше похож на Годзиллу в дорогом костюме.

— А ты, оказывается, пророчица! — засмеялась Светлана. — Потому что он уже здесь. Приехал полчаса назад и ходит по коридору, как тигр в клетке. Только тигр злее и менее

пушистый.

Сердце у меня ёкнуло и провалилось куда-то в район пятка.

— Уже здесь? А который час?

— Восемь утра. Клиника ещё даже не открылась официально, но охрана его пропустила. Видимо, узнали в лицо. Или он им денег дал. Или просто испугались — у него такой взгляд, что можно заморозить небольшое озеро.

Я заглянула в окно коридора и увидела его. Василий Рогожин прохаживался по холлу первого этажа, и каждый его шаг отдавался эхом, как удары молота по наковальне. Он был одет в тёмно-серый костюм, который сидел на нём так идеально, что хотелось спросить, не пришивают ли его каждое утро заново. Лицо мрачнее грозовой тучи, брови сдвинуты так, что между ними можно было бы проложить железную дорогу.

А рядом с ним маленький Тимка сидел на диванчике и болтал ножками. На ребёнке был костюмчик-двойка цвета молочного шоколада, но выглядел малыш всё ещё бледновато.

— Он один с ребёнком? — удивилась я.

— Один. Говорит, домработница приболела. Сам привёз, сам и забирать будет. Представляешь — олигарх-папаша!

В этот момент Тимка поднял голову и увидел меня в окне. Его лицо мгновенно озарилось улыбкой, словно включили тысячу лампочек одновременно:

— Мама-доктол! Мама-доктол пливела!

Рогожин резко обернулся и тоже посмотрел вверх. Наши глаза встретились через стекло, и я почувствовала себя мышкой, на которую смотрит очень голодная кошка. Очень большая, очень злая и очень дорого одетая кошка.

— Ой-ой-ой, — протянула Светлана, — кажется, грозный папочка ждёт именно тебя. Смотрит так, будто ты должна ему денег. Много денег.

— Может, мне лучше заболеть? — жалобно спросила я. — Скажем, что у меня свиной грипп? Или чума? Чума звучит убедительнее.

— Поздно, дорогая. Он уже поднимается.

Действительно, по лестнице гроыхали тяжёлые шаги, а Тимка радостно щебетал:

— Папа, мама-доктол наверху! Она меня видела и махала лучкой!

— Я не махал, — буркнул басовитый голос, — я просто... неважно.

Я стояла в коридоре, чувствуя себя преступницей, которую вот-вот поймут с поличным. С поличным чего — непонятно, но ощущение было именно такое.

И тут они появились. Рогожин — как чёрная туча перед грозой, а Тимка — как солнечный лучик, который эту тучу пробил.

— Доброе утро, доктор Арсеньева, — процедил Рогожин сквозь зубы. Голос у него был вежливый, но холодный, как

айсберг в Северном Ледовитом океане.

— Доброе утро, — пискнула я.

— Мама-доктол! — Тимка бросился ко мне и обнял за ноги. — А я вам конфетку плинёс! Шоколадную! Папа говорит, что сладкое вредно, но я думаю, что вам можно.

Он протянул мне слегка помятую конфету в блестящей обёртке.

— Спасибо, солнышко, — растрогалась я. — Очень вкусная конфетка.

— А ещё я для вас каптинку нарисовал! — он достал из кармана мятый листок бумаги. — Это мы с вами! Вот я, а вот вы, а вот папа. Правда, папа получился немножко стлашный, но я ещё плохо умею рисовать людей.

Я взяла рисунок и чуть не расхохоталась. На детском рисунке были изображены три фигурки: маленький мальчик, женщина с жёлтыми волосами и огромный мужчина с чёрными волосами, который выглядел как злобный великан из сказки.

— Очень красиво, Тимочка, — сказала я, стараясь не смотреть на Рогожина.

— А можете повесить в своём кабинете? — попросил мальчик. — Чтобы не забывали про меня?

— Конечно.

— Тимофей, — строго сказал отец, — не отвлекай доктора. У нас серьёзный разговор.

— Какой сельёзный? — заинтересовался ребёнок.

— Взрослый. Пойдём в кабинет, доктор Арсеньева.

Мы прошли в мой кабинет. Я усадила Тимку за детский столик с игрушками, а сама села за рабочий стол. Рогожин устроился напротив — и сразу вся комната как будто уменьшилась раза в два.

— Елизавета Витальевна, — начал он, и от официального тона у меня мурашки побежали по спине, — я не привык ходить вокруг да около. Поэтому скажу прямо: мне нужен домашний врач для сына.

— Понимаю, но...

— Не перебивайте. — Его голос стал жёстче. — Зарплата — триста тысяч в месяц. Плюс проживание в отдельном крыле нашего дома, питание, личный автомобиль. Рабочий день — круглосуточно, выходные — по согласованию. Отпуск — месяц в году. Условия более чем щедрые.

У меня отвисла челюсть. Триста тысяч! Да за такие деньги я готова была лечить не только детей, но и домашних растений!

— Это... это действительно щедрое предложение, — пробормотала я, — но...

— Но что? — нетерпеливо перебил он.

— Я врач, господин Рогожин. Педиатр. Не няня и не домработница. У меня медицинское образование, я хочу работать в больнице, лечить детей, а не сидеть дома с одним ребёнком, как наседка.

Рогожин нахмурился так, что брови слились в одну

сплошную чёрную линию.

— Вы будете лечить. Моего сына.

— Но это же не работа для врача! Это работа для няни! Я не собираюсь менять подгузники и готовить каши!

— Каши готовит повар, — холодно сказал он. — А подгузники моему сыну не нужны, если вы не заметили. Ему пять лет.

— Ну да, конечно... — Я покраснела. — Но суть не в этом! Я хочу заниматься медициной, а не играть в дочки-матери с вашим ребёнком!

— Дело не в этом! — возмутилась я. — Ваш сын замечательный, но...

— МАМА-ДОКТОЛ! — вдруг закричал Тимка. — А почему вы кличите на папу? Он плохой?

— Нет, солнышко, папа хороший. Мы просто... обсуждаем работу.

— А какую лаботу?

Рогожин встал из-за стола и подошёл к сыну:

— Я предложил доктору Арсеньевой жить с нами и быть твоим врачом. Но она отказывается.

Лицо Тимки мгновенно помрачнело:

— Почему? Я плохо себя вёл?

— Нет, Тимочка, ты ангелочек, — поспешила успокоить его я. — Просто у меня другие планы...

— Какие планы? — Глаза мальчика наполнились слезами.

— Вы меня не любите?

— Люблю, конечно, но...

— Тогда почему не хотите со мной жить? — всхлипнул он. — Все тёти не хотят со мной жить! И мама тоже не захотела — она улетела на небо и больше не плелетает!

Сердце моё сжалось от жалости. Бедный малыш так нуждался в материнской ласке!

— Тимка, милый, дело не в тебе...

— А в чём? — Он вытирал глаза кулачком. — Папа говорит, что я холовший мальчик, а мне никто не нужен, только он. Но папа всё время на работе, а мне скучно одному.

Рогожин присел рядом с сыном и обнял его:

— Тимоша, не расстраивайся. Доктор Арсеньева... — он посмотрел на меня взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю, — просто очень занятой человек. У неё много других дел, более важных, чем ты.

— Это не так! — возмутилась я. — Я не это имела в виду!

— А что вы имели в виду? — ядовито спросил Рогожин. — Что работа с моим сыном недостойна вашего высокого образования?

— Я имела в виду, что хочу работать врачом, а не...

— Конечно, болеют, но...

— Но лечить их не так престижно, как бедных? Я правильно понимаю?

— Да нет же! — Я начинала злиться. Этот человек намеренно искажал мои слова! — Я просто хочу работать в клинике, с разными пациентами, а не сидеть дома...

— Господин Рогожин, вы меня не понимаете...

— Ещё как понимаю! — рявкнул он. — Прекрасно понимаю! Вам нужна красивая должность, чтобы было чем хвастаться! А реально помочь ребёнку, который в вас нуждается, — это не для вас!

— Да как вы смеете! — взорвалась я. — Я стала врачом, чтобы помогать детям, а не чтобы быть домашней прислугой у зазнавшихся олигархов!

— ЗАЗНАВШИХСЯ?! — заорал Рогожин так, что стёкла задрожали. — Да кто вы такая, чтобы меня оценивать?!

— ПАПА, НЕ КЛИЧЬ! — заплакал Тимка. — БОЛЬНО УШКАМ!

Мы оба мгновенно замолчали. Ребёнок съёжился на стуле и закрыл уши ладошками.

— Тимоша, прости, — Рогожин подошёл к сыну, но голос его всё ещё дрожал от ярости. — Папа не хотел тебя пугать.

— Мама-доктол тоже кличала, — всхлипнул мальчик. — Теперь все на меня кличат. Значит, я плохой мальчик.

— Нет, солнышко, — я присела рядом с ним. — Ты самый хороший. Это мы, взрослые, ведём себя глупо.

— А почему вы не хотите жить с нами? — спросил он, глядя на меня заплаканными глазами. — Папа купит вам красивое платье и машину, и вы сможете есть мологенное каждый день.

Я посмотрела на этого трогательного малыша, потом на его отца, который стоял с каменным лицом, и поняла — что

бы я ни сказала, всё будет неправильно.

— Тимочка, — осторожно начала я, — понимаешь, у меня есть своя работа, своя жизнь...

— А разве мы не можем быть частью вашей жизни? — тихо спросил он.

Рогожин фыркнул:

— Не можем, Тимка. Доктор Арсеньева считает нас недостаточно... подходящими для неё.

— Я такого не говорила!

— Не говорили, но подразумевали, — холодно отрезал он.

— Ну что ж. Ваше право. Тимофей, мы идём.

— Но папа...

— Идём, сказал! Мы больше не будем навязываться доктору Арсеньевой. У неё есть дела поважнее нас.

Он взял сына на руки и направился к двери. Тимка обернулся ко мне через плечо отца:

— Мама-доктол, а вы будете по мне скучать?

— Буду, солнышко, — честно сказала я.

— А если я заболею, вы плилетите меня лечить?

Я хотела ответить «конечно», но Рогожин опередил:

— Доктор Арсеньева очень занята, Тимка. Она не сможет к нам приехать.

— Почему?

— Потому что мы ей не нужны.

И они ушли. Я осталась одна в кабинете, чувствуя себя последней сволочью. Малыш так надеялся, так радовался...

А я что? Отвергла их из-за своей гордости?

Но с другой стороны, я же врач! Я не могу превратиться в домашнюю прислугу, пусть и очень дорогую!

Телефон зазвонил через час.

— Елизавета Витальевна, — голос администратора звучал испуганно, — к вам срочно главврач.

Кукушкин ворвался в кабинет с лицом человека, увидевшего привидение.

— Арсеньева! Что вы наделали?!

— Что именно?

— Рогожин звонил! Сказал, что вы оскорбили его и его ребёнка! Назвали его зазнавшимся олигархом! Это правда?!

— Ну... в общем-то... да, — пробормотала я.

— АРСЕНЬЕВА! — заорал Кукушкин. — Вы понимаете, что наделали?! Рогожин — наш самый важный клиент! Он может закрыть клинику одним звонком!

— Но он сам был груб...

— МНЕ ПЛЕВАТЬ, КАК ОН СЕБЯ ВЁЛ! — Кукушкин трясся от ярости. — Вы должны были улыбаться и кивать! А не устраивать скандалы!

— Я не устраивала скандалы! Я просто отказалась от его предложения!

— КАКОГО ЕЩЁ ПРЕДЛОЖЕНИЯ?!

Я рассказала про предложение работы. Кукушкин слушал, и лицо его становилось всё блее.

— Триста тысяч в месяц, — прошептал он. — И вы отка-

зались? ВЫ ОТКАЗАЛИСЬ ОТ ТРЁХСОТ ТЫСЯЧ В МЕСЯЦ?!

— Но я врач...

— Вы идиотка! — заорал он. — Полная, законченная идиотка! Знаете что? Собирайте вещи! Вы уволены!

— Как уволена?!

— А вот так! За грубость с клиентом и несоответствие занимаемой должности! Марш отсюда! И чтобы духу вашего здесь не было!

Я сидела в опустевшем кабинете и не могла поверить в происходящее. Неужели всё кончено? Неужели из-за одного разговора с Рогожиным я потеряла работу?

А в голове звучал детский голосок: «Мама-доктол, а вы будете по мне скучать?»

Да, Тимочка. Буду скучать. И, кажется, очень сильно.

Глава 3

Два месяца. Шестьдесят дней. Тысяча четыреста сорок часов. Именно столько я провела в поисках работы после того памятного утра, когда гордо отказалась от предложения Рогожина и лишилась работы в клинике.

Сейчас, сидя в своей крохотной квартирке, откуда меня должны были выселить послезавтра, я думала, что та Елизавета была идиоткой редкостной. Принципиальной, гордой, но всё равно идиоткой.

Холодильник смотрел на меня своими пустыми полками с неммым укором. В нём жили: одинокая пачка маргарина, три яйца, которые я растягивала уже неделю, и бутылка кетчупа, которую можно было использовать как полноценное блюдо, если сильно постараться.

Мама звонила каждый день. Я продолжала врать, что всё прекрасно, работа замечательная, начальник добрый. А сама считала копейки и размышляла, не пора ли начать продавать органы на чёрном рынке. Почка, например, стоит прилично, и жить с одной, говорят, можно.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент — когда я лежала на диване лицом вниз и предавалась тихому нытью о несправедливости мироздания.

— Елизавета Витальевна Арсеньева? — спросил незнакомый мужской голос.

— Смотря зачем, — осторожно ответила я. Вдруг коллекторы? Хотя долгов у меня не было — чтобы иметь долги, нужно было иметь деньги, чтобы их занять.

— Звоню из городской больницы номер семь. У нас открылась вакансия педиатра. Ваше резюме...

— Я СОГЛАСНА! — заорала я так громко, что соседи, наверное, подумали, что кого-то убивают. — Когда выходить? Завтра? Сегодня? Прямо сейчас?

— Э-э-э... — растерялся голос. — Нужно сначала пройти собеседование...

— Когда?! Называйте время!

— Послезавтра в девять утра. Но должна предупредить — зарплата небольшая, сорок тысяч на испытательном сроке, график ненормированный...

— ПРЕКРАСНО! ЗАМЕЧАТЕЛЬНО! БУДУ!

Я повесила трубку и закружилась по комнате, как сумасшедшая. Работа! Наконец-то работа! Пусть зарплата как две стипендии студента-бюджетника, пусть график как у выючной лошади — но это РАБОТА!

Правда, радость моя померкла, когда я открыла шкаф в поисках приличного костюма на собеседование. Единственный деловой наряд — серая юбка и белая блузка — выглядел так, будто его грызли голодные мыши. А может, и грызли, учитывая состояние моего бюджета последние два месяца.

Телефон зазвонил снова. Я схватила трубку:

— Алло!

— Елизавета Витальевна? — на этот раз голос был знакомым. Слишком знакомым. Кравцов, помощник Рогожина.

Сердце ухнуло куда-то в пятки.

— Да, — настороженно ответила я.

— Господин Рогожин просит вас приехать. Срочно. Это касается Тимофея.

— Что с ним?! — Несмотря на все обиды, я запаниковала. Малыш... неужели с ним что-то случилось?

— Лучше приедьте. Машина будет через двадцать минут.

— Но я не...

Гудки. Кравцов повесил трубку, не дослушав.

Через двадцать минут я сидела в том же чёрном «Мерседесе» и ехала к особняку Рогожиных. Водитель молчал, как статуя, а я нервно теребила край куртки и представляла все возможные ужасы. Вдруг Тимка заболел? Или упал? Или...

Особняк встретил меня той же холодной роскошью. Кравцов проводил не в кабинет, как в прошлый раз, а прямо в детскую Тимки.

Комната выглядела так, будто в ней взорвалась бомба из игрушек и детских книг. На кровати сидел сам виновник торжества — бледный, с красными глазами, в пижаме с роботами. Рядом стоял Рогожин с лицом человека, который три дня не спал.

— МАМА-ДОКТОЛ! — закричал Тимка, увидев меня. — Вы плавад пливели!

Он сорвался с кровати и бросился ко мне. Я подхватила

его, и он обвинил меня руками и ногами, как коала.

— Тимочка, что случилось? — спросила я, глядя его по взъерошенным волосам.

— Папа сказал, что вы больше не плидёте, — всхлипнул он. — Что вы нас блосили, потому что я плохой мальчик.

Я посмотрела на Рогожина с таким возмущением, что он отвёл глаза.

— Я не говорил, что ты плохой, — буркнул он. — Я сказал, что доктор Арсеньева не будет больше у нас работать.

— А я спросил почему, и ты сказал, что это из-за меня! — захныкал Тимка.

— Тимофей...

— Ты всегда говоришь, что это из-за меня! И мама улетела из-за меня! Дядя Петя говорил, что если бы не я, мама была бы жива!

Воцарилась мёртвая тишина. Рогожин побледнел так, что стал похож на мраморную статую.

— Кто тебе это сказал? — тихо, страшно тихо спросил он.

— Дядя Петя... мамин брат... я случайно услышал, как он говорил тебе по телефону, что это моя вина...

Рогожин закрыл глаза, и я увидела, как дрогнули его губы. Казалось, ещё секунда — и этот властный, жёсткий человек сломается прямо на моих глазах.

— Тимочка, — осторожно сказала я, — это неправда. Твоя мама погибла в аварии, и это несчастный случай. Ты ни в чём не виноват.

— Но дядя Петя сказал...

— Дядя Петя — дурак, — резко сказал Рогожин. — И больше он сюда не приедет. Никогда.

— Плавда? — с надеждой спросил мальчик.

— Правда.

Тимка прижался ко мне сильнее:

— Мама-доктол, а вы теперь останетесь? Насовсем?

Я посмотрела на Рогожина. Он смотрел на нас — на меня и на своего сына — и в его глазах читалась такая мольба, что сердце ёкнуло.

— Тимка, мне нужно поговорить с папой, — тихо сказала я. — Наедине.

— Но вы не уйдёте?

— Не уйду. Пока.

Мы с Рогожиным спустились в его кабинет. Он налил себе виски, выпил залпом и налил ещё.

— Хотите? — предложил он мне.

— Нет, спасибо. Мне нужна ясная голова.

Он усмехнулся:

— Мне тоже нужна. Но, кажется, уже поздно.

Мы помолчали. Наконец я не выдержала:

— Что вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы вернулись. — Он говорил тихо, глядя в стакан. — На любых ваших условиях. Работайте, как считаете нужным. Стройте крепости из подушек, кормите его конфетами на завтрак, пойте песни — что угодно. Только

вернитесь.

— Почему?

— Потому что за эти два месяца я перепробовал пятерых нянь, трёх гувернанток и двух домашних врачей. Он всех отверг. Он зовёт только вас. Каждый божий день. «Мама-доктол, мама-доктол», — он передразнил сына, и в голосе прозвучала боль.

— А почему вы сказали ему, что это из-за него?

— Не говорил! — взорвался Рогожин. — Я сказал, что вы решили не работать у нас, и он спросил, почему. Я сказал... я сказал что-то вроде «мы не смогли договориться из-за его воспитания». А он решил, что виноват во всём он.

— Дети всегда так решают, — вздохнула я. — Они думают, что центр вселенной. И если что-то идёт не так, значит, это их вина.

— Я не хотел...

— Но получилось.

Он снова выпил виски.

— Елизавета Витальевна, у меня к вам вопрос.

— Слушаю.

— Сколько вам нужно денег, чтобы вернуться?

Вот тут я взорвалась:

— Вы думаете, дело в деньгах?! Вы действительно считаете, что всё можно купить?!

— А разве нет? — устало спросил он. — В моём мире всё покупается. Люди, отношения, лояльность... Всё имеет цену.

— Ну так вот, господин Рогожин, есть вещи, которые не продаются! Например, уважение! Или право не быть прислугой, которой тыкают носом в расписание!

— Я больше не буду давать расписаний, — быстро сказал он. — Обещаю.

— И не будете орать на меня за каждую построенную крепость?

— Не буду.

— И не будете вмешиваться в то, как я провожу время с Тимкой?

— Не буду. — Он помолчал. — Но есть одно условие.

— Какое?

— Вы не будете исчезать просто так. Если решите уйти — предупредите заранее. Подготовите Тимку. Не бросите его в один день.

Я посмотрела на этого человека — гордого, властного, который впервые в жизни, кажется, просил, а не приказывал.

— У меня послезавтра собеседование в городскую больницу, — сказала я. — Если меня возьмут, я начну там работать.

— Сколько вам предлагают?

— Это не ваше дело.

— Сколько? — настойчиво повторил он.

— Сорок тысяч, — буркнула я. — На испытательном сроке.

Рогожин усмехнулся:

— Я плачу триста. И ещё сто тысяч в месяц вам на личные расходы. И машину. И отдельную квартиру, если захотите жить отдельно.

— Мне не нужны...

— Нужны. Потому что через неделю вас выселят из вашей нынешней квартиры за неуплату. Мои люди навели справки.

Я покраснела от унижения:

— Вы... вы следили за мной?!

— Я хотел знать, как вы живёте. — Он говорил спокойно, без тени раскаяния. — И узнал. Так что давайте без глупостей, Елизавета Витальевна. Вам нужны деньги. Мне нужен врач для сына. Это просто бизнес.

— Это НЕ просто бизнес! — крикнула я. — Это жизнь ребёнка! Его чувства! Его надежды!

— Именно поэтому я и прошу вас вернуться.

Мы замолчали. Я думала о пустом холодильнике, о счетах за квартиру, о маме, которой нужны лекарства. Думала о Тимке с его «мама-доктол» и заплаканными глазами.

— Если я соглашусь, — медленно сказала я, — то только на моих условиях.

— Каких?

— Во-первых, я живу здесь, но у меня свободный график. Я не сижу взаперти, как в тюрьме.

— Согласен.

— Во-вторых, вы не лезете в мои методы воспитания Тимки. Я врач и знаю, что ему нужно.

— Согласен.

— В-третьих... — я запнулась. — В-третьих, вы больше никогда не говорите Тимке, что что-то произошло из-за него. Ни смерть матери, ни уход нянь, ни ваши проблемы на работе. Ничего. Это ребёнок, а не козёл отпущения.

Рогожин поморщился, но кивнул:

— Согласен.

— Тогда у нас договор, — сказала я, протягивая руку.

Он пожал её. Рука у него была большая, сильная, тёплая. И держал он немного дольше, чем требовалось для делового рукопожатия.

— Спасибо, — тихо сказал он.

— Не благодарите. Я делаю это не для вас. Для Тимки.

— Знаю.

Мы поднялись обратно в детскую. Тимка сидел на кровати и рисовал что-то в альбоме. Увидев нас, он вскочил:

— Ну что? Мама-доктол останется?

— Останусь, — кивнула я.

— УРА! — заорал он и запрыгал на кровати. — МАМА-ДОКТОЛ ОСТАНЕТСЯ! ОНА МЕНЯ НЕ БЛОСИЛА!

— Тимофей, слезь с кровати, — автоматически сказал Рогожин.

— Да ладно, пусть прыгает, — махнула я рукой. — Выпустит энергию.

Рогожин посмотрел на меня, потом на прыгающего сына, и вдруг улыбнулся. Впервые за всё наше знакомство по-на-

стоящему улыбнулся, и лицо его преобразилось, стало моложе и... счастливее.

— Ладно, — сказал он. — Пусть прыгает.

И мы стояли рядом, наблюдая за радостным ребёнком, который наконец-то получил то, что хотел. Маму-доктол. Пусть не настоящую маму, но того, кто его не бросит.

А я думала: «Во что я ввязалась? В жизнь с деспотичным олигархом и его одиноким ребёнком? В работу, которая не будет работой, а станет чем-то большим?»

Но одно я знала точно — назад пути уже не было. Я дала слово. И не собиралась его нарушать.

Даже если ради этого придётся терпеть вредного, властного, невыносимого Василия Рогожина.

Который, кстати, всё ещё стоял рядом и смотрел на сына с такой нежностью в глазах, что моё сердце предательски дрогнуло.

Да уж. Я влипла. Основательно влипла.

Глава 4

Моё триумфальное возвращение в особняк Рогожиных состоялось на следующий день и больше походило на переезд цыганского табора, чем на вступление в должность домашнего врача. Кравцов лично приехал за моими вещами и, увидев три потрёпанных сумки, изумлённо поднял бровь.

— Это всё? — спросил он с таким видом, будто я сообщила, что собираюсь жить в особняке голышом.

— А что, мало? — огрызнулась я. — Извините, что не накопила на чемоданы от Луи Виттона за два месяца безработицы!

— Господин Рогожин велел передать, что для вас подготовлен гардероб, — невозмутимо сообщил Кравцов. — И всё необходимое для комфортного проживания.

— Какой ещё гардероб?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.